

БЕСЕДЫ ДЖ. ВИНТЕРА И Р. УОЛЯ О РОЛИ
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С.А. Снигирев

Аннотация. Статья исследует концепции культурной памяти о Первой мировой войне, предложенные Джейм Винтером, и их критику Робертом Уолем. Винтер рассматривает влияние войны на британское общество через литературу, искусство и воспоминания, подчеркивая, что ключевыми для формирования коллективной памяти были потери среди высшего сословия. Р. Уоль критикует этот подход, сравнивая его с ранее проведенными исследованиями П. Фассела и С. Хайнса. Также обсуждаются транснациональные и гендерные аспекты историографии Первой мировой войны, подчеркивается важность анализа культурных изменений и мемуаров для понимания эмоционального фона военного времени.

Ключевые слова: культурная память, Первая мировая война, межвоенная культура, история Великобритании, Дж. Винтер, Р. Уоль.

Для цитирования: Снигирев С.А. Беседы Дж. Винтера и Р. Уоля о роли культурной памяти о Первой мировой войне // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 288–298. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-288-298

J. WINTER AND R. WOHL TALKS ON THE ROLE OF CULTURAL MEMORY
OF THE FIRST WORLD WAR

288

S.A. Snigirev

Abstract. The article examines Jay Winter's conceptions of cultural memory of the First World War and their criticism by Robert Wohl. Winter considers the impact of the war on British society through literature, art and reminiscences, emphasizing that losses among the upper classes were key to the formation of collective memory. R. Wohl criticizes this approach, comparing it to earlier studies by P. Fussell and S. Hines. Transnational and gender aspects of the historiography of the First World War are also discussed, and the importance of analyzing cultural change and memoir to understand the emotional background of wartime is also emphasized.

Keywords: cultural memory, World War I, interwar culture, British history, J. Winter, R. Wohl.

© Снигирев С.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Cite as: Snigirev S.A. J. Winter and R. Wohl Talks on the Role of Cultural Memory of the First World War. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 3, part 2, pp. 288–298. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-288-298

Введение

Проблема культурной памяти о Первой мировой войне привлекает широкий круг исследователей, каждый из которых предлагает свои способы изучения данного события с опорой на различные источники, связанные с воспоминаниями об этом военном конфликте. В последние годы основной фокус исследовательского внимания сместился с использования в качестве основного источника для создания культурной памяти с мемуаров руководителей, военных, литературных деятелей [1] к воспоминаниям и эмоциям солдат, а также к местам памяти и коммеморативным практикам. На сегодняшний день в историографии критически оцениваются концепции, связанные с культурно-историческими и дискурсивными практиками общественных групп [2, с. 32; 3, с. 109].

Одним из признанных экспертов в изучении коллективной и культурной памяти о Первой мировой войне является американский исследователь Джей Винтер, чья концепция опирается как на наработки предшественников, так и на собственные оригинальные основания. Однако у его концепции и подходов есть множество критиков, среди которых стоит выделить таких историков, как Александр Кинг, Антуан Про, Джеффри Александер [4–6]. Но наиболее яркая дискуссия вокруг взглядов Винтера на проблему культурной памяти и способов ее изучения развернулась между ним и его коллегой Робертом Уолем. Прежде чем обратимся к содержанию этой дискуссии, рассмотрим ключевые элементы концепции Дж. Винтера.

Концептуальные основания взглядов Дж. Винтера

Дж. Винтер впервые обратил свое внимание на проблему культурной памяти в процессе изучения демографических и социально-экономических последствий Первой мировой войны для британского общества. Его монография «Великая война и британцы» стала одной из значимых работ в западной историографии, показав серьезную трансформацию социальных структур британского общества во время и после данного конфликта. В ней же впервые затрагивалась проблема влияния войны не только на социальные, но и на культурные аспекты жизни британцев, включая изменения в национальной идентичности и исторической памяти, на которые напрямую повлияли потери британцев в войне и тяжелая экономическая и социальная ситуация в стране. Позднее на основании данных размышлений Винтер разработает собственную концепцию памяти о Первой мировой войне, опираясь на уже существующие наработки по этому вопросу в англо-американской историографии.

По мнению Винтера, для нескольких поколений британцев Первая мировая война стала наиболее эмоционально значимым событием в современной истории, превосходя по этому показателю даже Вторую мировую войну [7, р. 27]. Она была одной из самых кровопролитных в истории Великобритании, приведя к гибели 750 тыс. британских подданных и 250 тыс. человек из доминионов империи. Около 1,5 млн человек вернулись ранеными, что являлось серьезным бременем для экономики империи. Страна лишилась 2,5 млн рабочих рук и навсегда утратила

статус мирового промышленного лидера. Несмотря на победу в Первой мировой войне, сопутствующая ей война за независимость Ирландии еще более ослабила авторитет империи на международной арене [8, р. 29]. В этот тяжелый для Великобритании момент происходит кризис «викторианских идеалов» и поиск новой идентичности, для формирования которой начинается работа с исторической памятью. По мнению Дж. Винтера, людям, теряющим веру в свое государство и будущее, поиск позитивных и героических сюжетов из далекого прошлого в тот момент оказался менее значим, чем связь с только что закончившимся глобальным конфликтом. Именно он в первое послевоенное десятилетие занимал центральное место в обсуждениях британского политического истеблишмента и интеллектуалов, а его основной задачей стало создание героического нарратива о вкладе Британской империи в победу. Этот нарратив подкреплялся установкой и институционализацией соответствующих государственных мемориалов и памятников. Однако рядовые британцы неоднозначно воспринимали данную инициативу властей, создавая свои собственные основанные на военном опыте идентичности и тем самым внося в нарратив о войне личные и групповые воспоминания и травмы [там же, с. 131]. Они воплощались в частных мемориалах, литературных произведениях, а также в визуальном искусстве 1920–1930-х гг. Именно данный вид источников и решил привлечь к своим исследованиям Дж. Винтер.

Винтер полагает, что ключевым элементом формирования памяти о конфликте стали именно потери британцев в Первой мировой войне. Одной из важнейших составляющих своей концепции Винтер называет травматическое событие, которое может быть использовано государством для замены личных воспоминаний общей травмой, однако для некоторых групп людей травматические воспоминания оказываются столь значительными, что не поддаются такой коррекции. Исследователь отмечает, что ранее этот феномен был менее заметен, поскольку в предыдущих войнах Британской империи основную часть потерь составляли представители низших слоев общества, которых называли «отбросами земли» [5, р. 36]. Однако в этой войне значительные потери понесли мужчины из высшего сословия, имеющие не только хорошее происхождение, но и высшее образование. В начале войны они зачастую воспринимали ее как приключение и массово записывались в добровольцы, но впоследствии, благодаря их мемуарам и творчеству, общество узнало о тех сторонах войны, которые отсутствовали в официальном дискурсе. О судьбах этого поколения лучше всего рассказано в художественных романах, написанных в период с 1928 по 1932 год. В 1960-е гг. это поколение получило название «потерянное» [Ibid, р. 211].

Следует отметить, что используемое Винтером понятие травмированной памяти, возникшее сразу после войны, получило широкое признание лишь в 1980-х и 1990-х годах, став важной частью современного «бума памяти». Винтер характеризует травмированную память глубокими и долговременными шоками, которые блокируют или изменяют восприятие и воспоминания людей. Этот феномен, проявляющийся в личных и семейных историях, особенно в контексте войн и катастроф, по его мнению, повлиял на признание значимости травмированных воспоминаний в коллективном дискурсе. Таким образом, Винтер в своих исследованиях предлагает полагаться прежде всего на частные, семейные формы памяти, которые, естественно, находятся в сопряжении с государственными практиками и попытками институционализации памяти о войне, но при этом отличаются от них.

Полемика Дж. Винтера и Р. Уоля о культурной памяти о Первой мировой войне и особенностях ее изучения

Однако не все положения данной концепции находят поддержку у других историков. Как уже было сказано выше, одним из критиков концепции культурной памяти Дж. Винтера является американский историк Р. Уоль, специализирующийся на культурной и социальной истории западноевропейских стран XX века и имеющий собственный взгляд на культурную память британцев о Первой мировой войне и ее историографию. Свои первые работы он посвятил исследованию французских коммунистических ячеек и их влиянию на внутреннюю политику в послевоенный период. В дальнейшем на основе солидного пула источников об участниках первого мирового конфликта он выпустил монографию “The Generation of 1914”, в которой попытался развеять романтический флер мифа о «потерянном поколении» и показать процесс его конструирования. Его труд основывается на рассмотрении социальных процессов, происходивших в странах Западной Европы в начале XX в., а также идей и взглядов интеллектуалов-современников Первой мировой войны. В итоге он приходит к выводу, что нарратив о «потерянном поколении» является не чем иным как мифом пацифистски настроенных интеллектуалов, который со временем стал доминировать, затрудняя реальный анализ социальной действительности. Ни одно поколение, с его точки зрения, не обладает гомогенностью взглядов, столь же гетерогенным было и т. н. «потерянное поколение». Но критики данного труда, в том числе и Дж. Винтер, сошлись во мнении, что Р. Уоль так и не сумел достичь поставленной перед собой цели разоблачения мифа «поколения 1914». В первую очередь этому помешало отсутствие концепции «поколения 1914». По сути, Уоль попытался разоблачить миф, не имея четкого теоретического аппарата, который бы позволил ему системно проанализировать «поколение» как явление. Монография является фрагментарной, не имеющей единых оснований. Также, по мнению Винтера, Уоль тщательно анализирует работы ключевых европейских интеллектуалов, но не связывает их идеи с более широкой культурной и политической реальностью того времени. Это делает его работу ценным вкладом в литературные исследования, но не позволяет объяснить влияние Первой мировой войны на развитие европейской культуры в более широком контексте.

Другой точкой расхождения Винтера и Уоля является взгляд на модернистскую форму памяти. Уоль полагал, что модернистская форма памяти предполагала постепенное подчинение индивидуальной и групповой памяти — коллективной, лишая тем самым индивида возможности создавать свое собственное знание о прошлом. Уоль делает предположение, что война поспособствовала не только ускорению распространения модернистской формы памяти, но и дискредитации официальной культуры, существовавшей до 1914 г., что позволило ранее малоизвестным мыслителям, писателям и художникам обрести более широкую аудиторию после 1918 г. [Ibid]. Исходя из этого, он настаивал на необходимости изучения личного опыта современников войны вкупе с художественной литературой того времени, что с его точки зрения, позволит получить более объективное представление о войне [10]. Дж. Винтер был абсолютно солидарен с ним в необходимости использования личных и художественных источников, но не склонен резко противопоставлять модернизм «классической традиции» — его скорее интересовал симбиоз этих течений, который выражался в сложных трансформациях коммеморативных практик после Первой мировой войны,

выражающихся в культурном наследии нации и отдельных индивидов [8, с. 131]. Таким образом, беседы между Винтером и Уолем были направлены не только на критику взглядов друг друга, но и на решение более широкой проблемы: как различаются разные оптики изучения памяти о войне и каким образом эти различия влияют на понимание культурного наследия Первой мировой войны читателями и историками.

Р. Уоль весьма щепетильно и придирчиво относился к трудам Дж. Винтера по целому ряду причин. Одна из них заключалась в отсутствии, по его мнению, отличий работ Винтера от предшествующих исследований по культурной истории Первой мировой войны, выполненных ранее Полом Фасселом и Сэмюэлом Хайнсом. Рассматривая труд Винтера «Места памяти, места скорби», Р. Уоль задается вопросом: написана ли работа Дж. Винтера как опровержение ранее заявленным П. Фасселом и С. Хайнсом аргументам о культурной памяти Первой мировой войны или как расширение их модернистской интерпретации своего военного опыта через классические литературные произведения с помощью дополненной аргументационной базы?

Дело в том, что за несколько десятилетий до выхода трудов Дж. Винтера в книге «Великая война и современная память» П. Фассел изложил теорию влияния литературных произведений о Первой мировой войне в межвоенный и послевоенный период на общественную и политическую жизнь в Великобритании, сделав ее основой для создания и наследования мифов о трагедии войны. Последующие войны заставляли обращаться к этим мифам, в результате к имеющемуся материалу добавлялись новые элементы в виде травм и шокирующего опыта, тем самым порождая новый миф о войне, который оставил свой след в культурной памяти нации [11, р. 59]. С. Хайнс соглашается с выдвинутой П. Фасселом теории «мифа о войне», отмечая при этом непоследовательный характер повествования литературных произведений британских авторов, вдохновлявшихся Первой мировой войной [12, р. 110]. При этом Хайнс связывает культурную память не только с опытом и травмами, как это делал Фассел, но и интегрирует ее в модернизм. По мнению культуролога, культурная память в модернизме представлена художественными формами, которые рассматривали ее в качестве прошлого, далекого и недоступного, а если и доступного, то только в форме останков [Ibid, р. 47]. В его рассуждениях можно увидеть еще формирующуюся концепцию культурной памяти, которую позже представит Ян Ассман, говоря о ней как о фиксации моментов в прошлом через устойчивые объективации и символические кодировки [13, с. 62].

Обратив внимание на выдвигаемые концепцией культурной памяти Фассела и Хайнса положения, Роберт Уоль заявляет, что труд Дж. Винтера «Места памяти, места скорби» всего лишь расширяет модернистскую интерпретацию последствий Первой мировой войны, сосредотачиваясь на трауре и его частном и публичном выражении [14, р. 445]. При этом расширение происходит не только в методологическом плане, но и в географических рамках, в которые, помимо Великобритании, входят Франция, Германия, Австрия и Австралия [Ibid, р. 445]. Однако, замечает он, Винтер в своем труде предлагает объединить культурную историю Первой мировой войны с воспоминаниями участников событий, при этом анализируя воспоминания и тексты не только высоких офицерских чинов, но и солдат, не только произведения известных литературных писателей, но и начинающих, прошедших через бои на Западном фронте [15, р. 94]. Именно в этом, по его мнению, и состоит особость и новизна труда Винтера.

Фактически труд Винтера «Места памяти, места скорби» можно разделить на две части. Первая из них посвящена процессам поминовения и коммеморации, посредством которых люди, потерявшие своих близких и родных на войне, пытались смириться со своей потерей. Миллионы из них были убиты, но тысячи получали статус пропавших без вести, и это означало, что родственники не могли знать места погребения и проститься с ними [Ibid, p. 37]. В предмете исследования Дж. Винтера Р. Уоль признает весьма сложную и чувственную тему, с которой до Винтера не работал ни один историк. Основная сложность заключается в большом количестве документов, связанных с процессом поисков родственниками пропавших без вести солдат. Следует учитывать еще и тот факт, что Винтер работал в широком географическом поле, поэтому его исследование затронуло пять государств. Также Винтеру пришлось рассматривать огромное количество мемориалов, и как считает Р. Уоль, он намеренно искал традиционные и простые формы, чтобы подчеркнуть массовость скорби после Первой мировой войны [14, p. 446; 10, p. 149].

Вторая часть книги посвящена языкам и культуре траура по погибшим. В ней Дж. Винтер исследует шаги и меры, предпринятые в области культуры, для того чтобы проработать последствия войны [15, p. 42]. По мнению Р. Уоля, вторая половина является ключевой, т. к. в ней Винтер на долгие годы выстраивает свой исследовательский вектор, связанный с взаимодействием культуры и памяти. Для этого Винтер рассматривает творцов-современников, таких как режиссер Ганс Абель, художников Отто Дикса и Стэнли Спенсера, писателей Анри Барбюса, Карла Крауса в качестве создателей особого языка скорби по умершим с использованием библейского апокалипсиса. Именно с его помощью они попытались высказать невыразимый ужас войны [10, p. 214].

Уоль также обращает внимание на то, какую роль Винтер отводит понятиям «нация», «класс», «статус». Всеобщее горе и траур по погибшим, по мнению Винтера, стирали национальные границы, потери близких связывали людей, создавая новую культурную, наднациональную идентичность [14, p. 446]. Поэтому он предложил рассматривать культуру межвоенного периода без национальной призмы, т. е. в рамках общеевропейской истории, тем самым открывая новый путь для исследований и ставя под сомнения некоторые выводы в национально ориентированных трудах [10, p. 263]. Говоря об оригинальности труда Дж. Винтера, Р. Уоль заявляет о том, что автору действительно удалось воссоздать мрачную действительность культурной жизни Европы межвоенного периода. И если бы Винтер продолжил раскрывать данную тему в рамках политической, военной истории или истории повседневности, то смог бы пролить свет на множество вопросов этого периода истории Европы [14, p. 447; 16, p. 543].

Дискуссия Дж. Винтера и Р. Уоля о культурной памяти Первой мировой войны в Национальном музее Великой войны

Большая дискуссия между Джейм Винтером и Робертом Уолем состоялась на мероприятиях, посвященных 90-летию со дня окончания Первой мировой войны, проводимых в Национальном музее Великой войны в Канзас-сити, штат Миссури. Данная встреча являлась одной из значимых в череде диалогов о Первой мировой войне, в рамках которых историки обсудили историографию конфликта и ее периодизацию, влияние военных действий на культурную память о Первой мировой, а также затронули

гендерный аспект проблемы, а именно женский след в культурной памяти о Первой мировой войне.

В данной дискуссии Дж. Винтер отмечает важность поколенческой перспективы в формировании историографии Первой мировой. Исследователь выделяет три периода в историографии Первой мировой войны. Первый период (1920-е – 1950-е гг.), известный как «героический», фокусировался на политической, дипломатической и военной истории, с акцентом на действиях лидеров и армий, игнорируя социальные и культурные аспекты. Второй период (конец 1950-х – 1980-е гг.) отмечен переходом к социальной и экономической истории, расширением исследуемых тем и переоценкой причин войны, включая ее структурные и внутренние аспекты. Современный период (с 1990-х гг.) характеризуется доминированием культурной истории, где основное внимание уделяется влиянию войны на культуру, науку, повседневную жизнь и память, отражая глобальные изменения в обществе и науке. Последнюю группу Винтер также называл «транснациональным поколением», т. к. оно пытается интегрировать национальные нарративы и традиции в единую глобальную историографию, что, по его мнению, является весьма сложной задачей [13, р. 160]. При этом им учитываются труды как национального и наднационального, так и локального уровня, рассматривающие разные проблемы военного периода [17, р. 162]. Историк также выделяет предметы исследования третьего поколения, каковыми стали мятеж, поминовение, пацифизм и имперский опыт управления, в рамках которых можно проводить всеобъемлющий анализ Первой мировой [13, р. 163].

Роберт Уоль на совсем согласен с такой периодизацией. Споря с Винтером, он утверждает, что культурная история войны, которую он определяет, как «изучение значений человеческого опыта», возникает уже в период военных кризисов 1960-х гг. [Ibid, р. 163]. Обсуждая влияние Первой мировой на европейскую историю, Уоль полагает, что «война подтвердила утверждение модернистов, что в Европе произойдет культурный разрыв и что в будущем все будет по-другому... Война была ярким тому примером» [Ibid, р. 164].

Дж. Винтер в данной дискуссии делает упор на литературные произведения о войне, что, по мнению ученого, является сильным актом памяти, воспроизводящий трагичный опыт боевых действий. Винтер подтверждает сказанное, ссылаясь на П. Фасселла, который показывает влияние художественных произведений, таких как стихи, романы, пьесы, написанных участниками войн и имеющих совершенно особое мировоззрение, на конструирование нарративов о войне. Авторы художественных и научных работ, посвященных войнам, Фасселл выделяет в отдельную категорию и называет их «современниками памяти» [11, р. 162]. По мнению Винтера, писатели данной категории создают свои труды о прошлых военных конфликтах, основываясь на собственном пережитом опыте, ставя его в основу трудов, тем самым создавая своеобразную культурную историю о конкретном трагическом событии [17, р. 159]. Исходя из этого, он делает вывод о том, что образ Первой мировой войны в культурном плане на сегодняшний день является продуктом всего XX в., а не конкретного временного отрезка [Ibid, р. 161].

Р. Уоль не соглашается с данной точкой зрения, утверждая, что культурная история — это область изучения значений и смыслов, включающая рефлекссию над собственным опытом, которым Винтер, с его точки зрения, уделяет недостаточное внимание [Ibid, р. 168].

По его мнению, у людей нет опции доступа к использованию имеющегося опыта экстраординарных ситуаций, но есть воспоминания о пережитом опыте, которому люди и придают особое значение. То, как люди помнят пережитый опыт, зависит от изменения ситуации в мире, что конечно усложняет ситуацию [10, р. 121]. В подтверждение своей позиции Р. Уоль приводит в пример все тот же труд Фасселла «Великая война и современная память» и задается вопросом, а был бы он таким же, если бы был написан не в 1975-м, а в 1965-м или в 1985-м году? Отвечая на него, исследователь приходит к выводу, что данный труд состоит из смыслов и рассуждений, воспроизводимых и обсуждаемых непосредственно в 1970-е гг., т. е. является продуктом именно данного периода. Следует отметить, что Винтер ни в коем случае не принижал роли контекста в формировании тех или иных трактовок Первой мировой войны, но считал, что помимо собственно контекста присутствуют и лонгитюдные влияния. Поэтому в данном случае это критика касалась лишь отдельных акцентов, а не подхода Винтера в целом.

Уоля интересовал и другой вопрос: а можем ли мы опыт участников военных конфликтов превратить в своего рода культурный феномен? [Ibid, р. 133]. Диссонанс между личным и культурным опытом, как известно, заключается в том, что индивидуальное сознание зачастую воспринимает социальную среду как сферу обезличенных отношений. Способно ли тогда индивидуальное переживание стать зеркалом культурного поиска, может ли коммуникация по поводу личностных смыслов и связанный с ней процесс объективации этих смыслов стать важнейшим механизмом формирования культурного феномена? Есть и другая стороны этого вопроса: разве культура не является той платформой, на основании и посредством которой человек справляется со своим экзистенциальным опытом? По мнению Уоля, существует лишь небольшое количество культурных продуктов, являющихся порождением личного опыта, но приобретшего статус культурного феномена. Одним из них является роман Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», а его особенностью – отражение настроений 1920-х гг. в Веймарской республике и воспоминания о Первой мировой войне [Ibid, р. 137]. Также историк приводит примеры влияния войны во Вьетнаме на мемориальный бум 1960–1970-х гг. через литературные произведения, фильмы и музыку [17, р. 162]. Молодежные протестные движения 1968 г., с его точки зрения, также повлияли на формирование концепции «поколений», с помощью которой автор сумел обнаружить молодежный бунт конца XIX – начала XX в. в Европе, связав его с участием молодых людей в Первой мировой войне [Ibid, р. 163]. Тем самым Р. Уоль поднял очень важный для исследователей вопрос об экзистенциальном опыте как феномене культуры.

В рамках данной дискуссии был затронут и гендерный аспект Первой мировой войны, по поводу которого позиции Уоля и Винтера кардинально разошлись. Дж. Винтер утверждал, что роль женщин в Первой мировой войне нельзя описать парой абзацев в книге, и им нужно посвящать отдельные научные труды, т. к. материала о них предостаточно [13, р. 171]. Это касается не только изменения роли женщин в обществе во время войны, их активного участия в медицинской и волонтерской деятельности, но и роли основных хранительниц памяти о погибших через семейные традиции и общественные ритуалы. В частности, Винтер указывает на роль женщин в создании и поддержании артефактов памяти, под которыми подразумеваются как надгробия и обелиски, так и письма, а также солдатские жетоны, монеты, оставшиеся от погибших

[7, p. 218]. Таким образом, Винтер утверждает, что роль женщин в создании культурной памяти о Первой мировой войне пока не оценена должным образом, о чем свидетельствует малое количество исследовательских работ по данной теме. Р. Уоль же заявляет, что женщинам не стоит уделять большого внимания, как это делает его коллега. В своем труде «Поколение 1914» он говорит о том, что войну могли описать только комбатанты, но не те, кто находился в тылу. Тем не менее в качестве исключения он все же рассматривает тексты британской писательницы Веры Бриттен, которая, по его мнению, «последовательно и содержательно передает переживания британцев в военное время» [10, p. 190]. Уоль обращает внимание на Бриттен лишь потому, что ее мемуары лежат в основе британского культурного нарратива о военном периоде, обойти вниманием который он просто не смог.

Таким образом, в дискуссии, состоявшейся в Национальном музее Великой войны, между Винтером и Уолем о культурной памяти Первой мировой войны, основные различия заключались в их подходах к историографии этой проблемы. Винтер акцентирует внимание на значении литературных произведений и роли поколений, подчеркивая важность опыта участников войны и вклад женщин в сохранение памяти. Уоль же сосредоточен на рефлексии над пережитым опытом и его значением, проявляя более сдержанное отношение к роли женщин в исторических нарративах. При этом стоит отметить, что культурная память о войне многослойна и зависит от множества факторов, что делает ее сложным объектом для изучения и понимания.

Заключение

Таким образом, Роберт Уоль, являясь одним из главных критиков трудов Джея Винтера, представил обоснованное концептуальное обсуждение своей критики, выделяя как сильные, так и спорные стороны подхода Винтера к изучению культурной памяти о Первой мировой войне. Р. Уоль критикует работы Дж. Винтера, указывая на схожесть его подхода с предыдущими исследованиями, и подчеркивает, что культурная история, прежде всего, должна заниматься изучением значений и смыслов, которые люди придают своему непосредственному опыту. Этот подход открывает новые возможности для анализа культурной памяти и коллективной идентичности, противопоставляя гомогенному официальному дискурсу более сложное и гетерогенное понимание прошлого и настоящего. Тем не менее, Р. Уоль признает новизну и эвристический потенциал работ Винтера в том, что он пытается сопрягать в своих исследованиях официальный дискурс о войне с воспоминаниями участников событий, в том числе нашедшими отражение в художественной литературе, а также вписать память о войне в более широкий европейский контекст. С этой точки зрения работы Джея Винтера стимулируют молодых ученых продолжать заниматься исследованиями в области культурной памяти о Первой мировой войне [17, p. 184].

Беседы Дж. Винтера и Р. Уоля весьма показательны в общей дискуссии исследователей культурной памяти о войне. Различия в концептуальных и методологических позициях Дж. Винтера и Р. Уоля подчеркивают всю сложность формирования и изучения культурной памяти, а также ту роль, которую играют в этом процессе литература и искусство. Обсуждение этих различий позволяет углубить понимание способов конструирования, трансляции и сохранения коллективной памяти, что имеет значение для исследований этого события в культурологии, истории и социологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колоницкий, Б.И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2014/11/pervaya-mirovaya-vojna-kultura-epohi-i-soczialnaya-pamyat.html> (дата обращения: 15.04.24).
2. Баранов, Н.Н. Первая мировая война в популярной культуре памяти // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2018. № 43 (4). С. 31–39.
3. Сенявская, Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151; № 3. С. 107–121.
4. King, A. *Memorials of the Great War in Britain*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 221 p.
5. Prost, A. *Republican Identities in War and Peace: Representations of France in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Berg: Oxford, 2002. 354 p.
6. *Cultural Trauma and Collective Identity* / Ed. by Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, Piotr Sztompka. Berkeley: University of California Press, 2004. 312 p.
7. Winter, J. *Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century*. London: Yale University Press, 2006. 340 p.
8. Николаи, Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М.: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. 184 с.
9. Winter, J. *The Great War and the British People*. Macmillan, 1986. 360 p.
10. Wohl, R. *The Generation of 1914*, Harvard University Press. Cambridge, MA, 1979. 307 p.
11. Fussell P. *The Great War and modern memory*. N.Y.: Oxford univ. press, 1975. 368 p.
12. Hynes, S. *A War Imagined: The First World War and English culture*. L.: Pimlico, 1992. 514 p.
13. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
14. Wohl, R. Reviewed Work: *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. *Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare* by Jay Winter // *The Journal of Modern History*. Vol. 70. №. 2. P. 443–447.
15. Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 310 p.
16. Wohl R. Reviewed Work: *Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919* by Jay Winter, Jean-Louis Robert // *The Journal of Military History*. Vol. 104. №. 2. P. 542–543.
17. *The Legacy of the Great War: Ninety Years On* / Ed. by Jay Winter. Columbia, MO: University of Missouri Press. 2009.

REFERENCES

1. Kolonickij, B.I. *Pervaya mirovaya vojna: kultura epokhi i sotsialnaya pamiat* [The First World War: culture of the era and social memory], *Zvezda*, 2014, No. 11. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2014/11/pervaya-mirovaya-vojna-kultura-epohi-i-soczialnaya-pamyat.html> (accessed: 15.04.24) (in Russ.)
2. Baranov, N.N. *Pervaya Mirovaya Voina v populyarnoy kulture pamyati* [The First World War in the popular culture of memory], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* = Bulletin of Perm University. Series: History, 2018, No. 43 (4), pp. 31–39. (in Russ.)

3. Senyavskaya, E.S. Istoricheskaya pamyat o voynakh XX veka kak oblast ideyno-politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoyaniya [Historical memory of the wars of the twentieth century as an area of ideological, political and psychological confrontation], *Otechestvennaya istoriya* = Russian history, 2007, No. 2, pp. 139–151; No. 3, pp. 107–121. (in Russ.)
4. King, A. *Memorials of the Great War in Britain*. Oxford, Oxford University Press, 1998, 221 p.
5. Prost, A. *Republican Identities in War and Peace: Representations of France in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Berg; Oxford, 2002, 354 p.
6. *Cultural Trauma and Collective Identity*, ed. by Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, Piotr Sztompka. Berkeley. University of California Press, 2004, 312 p.
7. Winter, J. *Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century*. London: Yale University Press, 2006. 340 p.
8. Nikolai, F.V. *Polemika o travme i pamyati v amerikanskikh issledovaniyakh kultury* [The Debate on Trauma and Memory in American Cultural Studies]. Moscow, FLINTA; Nizhny Novgorod: Mininsky University, 2017, 184 p. (in Russ.)
9. Winter, J. *The Great War and the British People*. Macmillan, 1986, 360 p.
10. Wohl, R. *The Generation of 1914*. Harvard University Press. Cambridge, MA, 1979, 307 p.
11. Fussell P. *The Great War and modern memory*. New York, Oxford univ. press, 1975, 368 p.
12. Hynes, S. *A War Imagined: The First World War and English culture*. London, Pimlico, 1992, 514 p.
13. Assmann, J. *Kulturnaya pamyat: Pis'mo, pamyat o proshlom i poli ticheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination], tran. with him. M.M. Sokolskaya. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, 368 p. (in Russ.)
14. Wohl, R. Reviewed Work: Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare by Jay Winter, *The Journal of Modern History*, vol. 70, No. 2, pp. 443–447.
15. Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, 310 p.
16. Wohl, R. Reviewed Work: Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919 by Jay Winter, Jean-Louis Robert, *The Journal of Military History*, vol. 104, No. 2, pp. 542–543.
17. *The Legacy of the Great War: Ninety Years On*, ed. by Jay Winter. Columbia, MO, University of Missouri Press, 2009.

Снигирев Сергей Алексеевич, аспирант, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; ассистент, кафедра истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, sergey199719@mail.ru

Sergey A. Snigirev, Post-graduate Student, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Assistant, History and Archaeology Department, Perm State University, sergey199719@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2024. Принята к публикации 26.07.2024

The paper was submitted 24.06.2024. Accepted for publication 26.07.2024